

ПОЛИНА
Рей

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

РАЗВОД ВСЕ БЫЛО *пожизненно*

Полина Рей

Развод. Все было ложью

«Автор»

2026

Рей П.

Развод. Все было ложью / П. Рей — «Автор», 2026

Сначала он попросил меня немного накачать губы. Затем - нарастить и перекрасить волосы. Потом вставить грудь, следом - убрать пару рёбер Я делала почти всё, чего желал муж, пока не поняла: он пытается вылепить из меня улучшенную версию своей бывшей, о которой грезит до сих пор - Я знаю, что ты не забыл Анжелу, Егор Смотрю в наглые глаза предателя, накануне этого прочитав его переписку с бывшей. - Не только не забыл, но мы с ней снова вместе, - совершенно спокойно признаётся муж. Я хватаю ртом кислород и уточняю: - Тогда зачем тебе я? Он пожимает плечами и отвечает ровно: - Ты сама знаешь, для чего нужна, Таня. Мне с тобой хорошо в постели. Наш брак оказался ложью. Но самое страшное вовсе не это. Стараясь угодить мужу, кажется, я совершенно перестала быть самой собой.

Полина Рей

Развод. Все было ложью

Сначала он попросил меня немного накачать губы. Затем - нарастить и перекрасить волосы. Потом вставить грудь, следом - убрать пару рёбер...

Я делала почти всё, чего желал муж, пока не поняла: он пытается вылепить из меня улучшенную версию своей бывшей, о которой грезит до сих пор...

- Я знаю, что ты не забыл Анжелу, Егор...

Смотрю в наглые глаза предателя, накануне этого прочитав его переписку с бывшей.

- Не только не забыл, но мы с ней снова вместе, - совершенно спокойно признаётся муж.

Я хватаю ртом кислород и уточняю:

- Тогда зачем тебе я?

Он пожимает плечами и отвечает ровно:

- Ты сама знаешь, для чего нужна, Таня. Мне с тобой хорошо в постели.

Наш брак оказался ложью. Но самое страшное вовсе не это. Стараясь угодить мужу, кажется, я совершенно перестала быть самой собой.

- Ты вообще сама себя слышишь?

Саша смотрела на меня поверх чашки с латте, и в её взгляде читалось всё сразу: злость, жалость и бессилие. В последнее время эти взоры считались чуть ли не визитной карточкой подруги. С того самого момента, как я в первый раз сказала: «Егор считает, что мне стоит...»

- Рёбра, Тань! Не зубы, не нос, не сиськи даже! А рёбра.

- Нижние, - зачем-то уточнила я, хотя легче от этого не стало. - Две пары. Это безопасно, Саш. Сейчас так делают, это распространённая операция. Я всё изучила...

Сказала и сама себе не поверила. В моём окружении подобного, кажется, не делала никто...

- Среди кого?!

Сашка подалась вперёд, и короткие светлые волосы упали ей на лоб. Она машинально смахнула их назад резким, почти мужским жестом.

- Среди каких-таких нормальных людей это распространённая операция? Среди инстаграмных куриц с оффотошопленными лицами? Ты серьёзно?

Ответить на это мне было особо нечего. Если уж говорить честно - Сашка была совершенно права.

- Давай я тебе просто перечислю, - Саша загнула палец. - Волосы. Ты была шатенкой с шикарной гривой, теперь ты платиновая блондинка, да ещё и Егор тебя заставил нарастить длину...

- Это модно... - попыталась я вставить хоть слово, но подруга продолжила:

- Я не закончила! Дальше грудь. Ты всунула в неё импланты, хотя у тебя была прекрасная двойка. Затем удалила комки Биша, и теперь твои щёки выглядят так, будто ты их постоянно втягиваешь. Ты сидишь на жёсткой диете, хотя весила всего шестьдесят кило при росте сто шестьдесят восемь. Ты колешь ботокс в двадцать восемь лет, Тань. В двадцать восемь! У тебя морщин не было, ты о чём вообще?

- Вот чтобы их и дальше не было - я его и колю! - проговорила то, что подруга слышала от меня не раз. - Это уход, Саш. Все так делают.

- Кто «все»? Жёны его партнёров? Тусовка, в которой ты вращаешься? Ты на себя в зеркало давно смотрела? Не на результат процедуры, а просто на себя?

Я опустила взгляд, потому что очередная беседа пришла к тому же, к чему и обычно. Сейчас мне Сашка выдаст весомый аргумент - в наших с мужем кругах в основном женщинам под сорок, и конечно, они уже что-то там себе подкалывают. Но вот о кардинальностях во внешних переменах речи пока не идёт.

- Он говорит, что хочет, чтобы я была идеальной, - тихо сказала подруге. - Ему нравится, когда я стараюсь для него.

- А ты? - тут же обрушила на меня Сашка вопрос.

- Что я? - не поняла, вскинув на неё взгляд.

- Ты сама себе нравишься?

Вопрос повис в воздухе, как это было всегда. Не ответила я на него не потому что не хотела, а потому что не знала как. Когда-то давно, кажется, целую вечность назад, у меня были милые пухленькие щёчки и своя небольшая, но аккуратная грудь. Я носила джинсы и кроссовки и была... собой.

Однако сейчас дело в том, что я вроде как тоже являюсь самой собой... Просто немного откорректированной версией, чтобы и себе нравиться, и, в первую очередь, мужу.

- Он хотя бы объяснил, зачем тебе эти рёбра? - Сашка сжала пальцами виски, будто у неё разболелась голова. - Совсем с ума сошёл? Таня, это опасно и я не шучу... Органы незащищёнными останутся, ты понимаешь?

- Там мышцы, кожа, всё корректируется. Вариант со сращиванием даёт не такой эффект. Егор договорится с лучшей клиникой...

- Конечно, - перебила она. - Егор договорится! - В её голосе засквозил неприкрытый сарказм. - Костин всегда обо всём договаривается, куда ему не нужно ехать и самому ложиться под нож. А ты просто киваешь и записываешься.

- Саш...

- Что Саш? - Она откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди. - Ты меня спрашивала, и я говорю. Не делай ни в коем случае! Это уже не «уход за собой», а самое настоящее членовредительство.

Я вновь промолчала. Саша всё понимала по-своему. Она смотрела на Егора сквозь призму собственного к нему отношения - положила руку на сердце, это самое отношение было не особо хорошим.

Егор за глаза называл её «мужичкой», и всякий раз, когда я пыталась защитить подругу, он пожимал плечами и произносил, как данность: «А что? Короткая стрижка, никакой женственности, вечно в этих своих деловых костюмах или джинсах с толстовками. Я правду говорю».

Саша и правда была невысокой, худощавой, с мальчишеской фигурой и резкими движениями. И имя ей подходило идеально.

Короткое, звонкое, деловое. Она руководила отделом в логистической компании и могла уболтать любого, даже самого упёртого клиента. Егор таких женщин не понимал и втайне презирал. Саша это чувствовала, но ради меня молчала. По крайней мере, когда они виделись, она ничем не выдавала своего к нему отношения. Но при личных встречах, конечно, выдавала мне почти всё.

- Тань, - Она вдруг накрыла мою ладонь своей, и я вздрогнула от неожиданности. - Я тебя знаю с детского сада. Ты помнишь, какой была? Самой смешной девчонкой в группе! Ты с лестницы съезжала на заднице, пока воспитательница не видела. А сколько шалостей милых мы с тобой сотворили... И где сейчас эта девчонка, а?

- Мне было четыре, - вставила я весомый аргумент.

Уже понимала, к чему подруга ведёт, и знала: меня это станет задевать за живое.

- А сейчас тебе двадцать восемь, и ты собираешься лечь под нож, чтобы вырезать себе рёбра. Потому что муж так хочет! Четырёхлетняя ты бы послала его куда подальше и пошла бы кататься с лестницы.

Я невольно улыбнулась, представив, как маленькая Таня задирает голову, чтобы отправить Костина на три весёлых буквы.

Но четырёхлетняя Таня ничего не знала о том, что такое любовь к мужчине, который может дать тебе всё. А вот я нынешняя - была очень даже в курсе.

- Я подумаю, - сказала, выпрастывая руку.

- Не подумаешь, - Сашка цокнула языком. - Я вижу, ты уже всё решила.

Мы закончили эту встречу именно на данной ноте, после чего вышли из кафе и попрощались на улице. Саша обняла меня - резко, как всегда, будто преследовала цель хорошенько встряхнуть. Потом развернулась и быстро зашагала к метро, вжимая голову в плечи от порывов ветра. Я смотрела ей вслед, и внутри разрасталась какая-то непонятная, тупая пустота.

Домой ехала в пробках. Вечерний город задыхалась в бесконечных красных огнях, улицы стояли мёртво, и даже музыка в машине не спасала. Я прокручивала в голове разговор с Сашей, и чем чаще в мозгу вспыхивали её фразы, словно «ред флаги», тем гаже становилось на душе.

Потому что подруга была в чём-то бесконечно права...

В конце концов я выключила радио и остаток пути провела в тишине. А когда добралась до дома, меня ждал сюрприз.

Машина Егора стояла на парковке возле крыльца, и это оказалось таким неожиданным, что я почему-то испугалась. Хотя причин для этого не имелось.

Муж должен быть в офисе до позднего вечера, я уже привыкла к его «сегодня задержусь», «приеду, когда приеду», «не жди». А тут - его автомобиль, его прибытие домой безо всякого предупреждения...

И точно сюрприз... Вот только - приятный ли?

Я разулась и прошла в гостиную. Наша дочка гостила у матери Егора, моей свекрови, так что в особняке царила тишина. Лишь только сверху, со второго этажа, доносился приглушённый голос Костина. Он с кем-то разговаривал, наверное, по работе, у него постоянно какие-то созвоны.

Я хотела было подняться, но взгляд упал на диван.

Там, небрежно брошенный, лежал планшет, тот самый, с которым он не расставался. Таскал его всюду и шутил, что в этом планшете - вся его жизнь. Внезапно экран, словно только и ждал этого момента, осветился, и я машинально подошла ближе.

Наверху ненадолго повисло сообщение. Одно, но его хватило, чтобы у меня сердце провалилось куда-то в область живота, где, слава богу, пока ещё оставались рёбра. И мысль идиотская мелькнула: права была Сашка. Не будь их - сердце бы уже выскочило...

«Витька спрашивал, когда папа приедет».

Вот эти пять слов я и прочла прежде, чем экран бы стал тёмным вновь. И ещё глаз зацепился за имя того абонента, который отправил сообщение.

Анжела.

Я превратилась в каменную статую.

В ушах зашумело, комната поплыла, а в голове вдруг зазвучала отстранённая, почти ехидная мысль: «Тысячи романов в сети начинаются с того, что жена видит всплывшее сообщение на экране телефона. И вот эта жуткая банальность случилась со мной».

Витька. Папа. Анжела.

Я знала имя бывшей Егора очень хорошо. Его первая любовь, женщина, о которой он говорил редко, но всегда - с тщательно контролируемым безразличием. «Это было сто лет назад, Тань. Мы разошлись и всё. Зачем ты спрашиваешь?»

Она писала ему.

Про какого-то Витьку, который спрашивал про папу.

Я моргнула, снова посмотрела на планшет и, несмотря на то, что сообщение исчезло, мне показалось, что я могу вновь его прочесть - настолько крепко оно засело мне на подкорку.

С лестницы донёсся звук шагов, и я резко отшатнулась от дивана. Сердце колотилось так, что казалось, ещё немного - и рёбра сломаются сами, безо всякой операции.

- Танюш?

Голос Егора, такой тёплый и родной, донёсся до меня тоже банально - словно сквозь толщу воды.

Муж спустился и я развернулась к нему. Костин улыбался, а меня стало охватывать странным, незнакомым до сих пор состоянием. Чего-то ледяного, словно и душу, и чувства, и тело сковали ледяным панцирем. Наверное, так срабатывает самозащита.

Егор подошёл, обнял, прижал к себе сильно и властно. Поцеловал в шею - горячо, с нотками той страсти, которая как бы говорила - сейчас нам никак, но скоро я до тебя доберусь.

Секс у нас был почти каждый день, иногда по несколько раз. Он говорил, что ни к одной женщине его так не тянуло, как ко мне. И, конечно, я ему верила...

- Соскучился, - шепнул он, зарываясь носом в мои волосы. - Думал о тебе весь день... Представлял всякое.

Руки скользнули по талии, сжали бёдра. Губы коснулись мочки уха.

- Я тоже, - сказала я чужим голосом.

А мысли всё ещё были какими-то пустыми, словно психика кричала мне: не нужно сейчас ни о чём думать! Иначе сойдёшь с ума.

Костин чуть отстранился, заглянул мне в глаза и улыбнулся ещё шире.

- Я договорился с клиникой. На следующей неделе тебя берут на операцию. В понедельник сдашь анализы, во вторник ляжешь и всё сделают очень быстро. Удаление пройдет отлично, там швейцарское оборудование, можно не опасаться. Ты у меня будешь идеальной.

О, как много раз я слышала это слово... Идеальной...

Егор отстранился, взял планшет с дивана и произнёс:

- Попытаюсь сегодня пораньше приехать. Если не получится - ты без меня не ложись, ладно? - Он снова поцеловал меня, теперь в губы, глубоко, до головокружения. - Не ложись без меня, слышишь?

- Да, - кивнула я, осознавая, что веду себя заторможенно. - Не лягу.

Он вышел из дома, а через мгновение с улицы донеслось равномерное урчание мотора.

Костин отбыл, оставив мне жуткое понимание, что, кажется, у него была двойная жизнь.

Или мне показалось, и я как-то не так всё поняла?

Саша взяла трубку после третьего гудка.

- Что-то случилось? - спросила она вместо приветствия.

Мы слишком давно знали друг друга, чтобы она сейчас не понимала - если я набрала её номер почти сразу после того, как мы разошлись, значит, реально стряслось нечто из ряда вон.

- Кажется, у Егора есть ребёнок от другой женщины! - выпалила я сразу же. После чего добавила: - И это не всё.

Я сидела в гостиной, вжавшись в угол дивана, и говорила почти шёпотом. Хотя дома, вроде как, кроме меня никого не было - сам факт того, что я произношу данные слова вслух делал их слишком реальными. Слишком осязаемыми... и от этого понимания хотелось забиться в нору и не вылезать.

В трубке повисла пауза - видимо, даже подруге, которая не особо лезла в наши взаимоотношения с мужем, требовалось время на то, чтобы воспринять сказанное.

- Так, - Сашка рвано выдохнула. - Рассказывай.

Я пересказала ей всё коротко, почти сухо, будто сводку с фронта зачитывала. Забытый планшет, в нём же - сплывшее сообщение. «Витька спрашивал, когда папа приедет». Ну и про то, кто был автором этого послания, не умолчала тоже.

- Ясно, - сказала она, когда я затихла.

- И это всё, что можешь мне сказать? - выдала я быстро, как будто от той скорости, с которой стану произносить слова, будет зависеть погибну я или останусь жива.

- А что ты хочешь услышать? Что я в шоке? - Сашка цокнула языком. - Тань, я не особо удивлена.

- Саш!

- Что «Саш»? Я Костина никогда не переваривала, ты знаешь. Он скользкий тип и всегда таким был. Весь из себя правильный, обходительный, но внутри гнильца. Я тебе этого не говорила, но раз уж у нас сейчас речь о таком пошла...

У меня внутри всё сжалось - что и говорить, ждала я вовсе не этого. Поддержки, чего-то подобного, а не фраз в стиле «я же говорила».

- И что мне делать? - прошептала, пока отменяя реакцию подруги.

- Для начала - успокоиться. Ты сейчас на взводе, тебе кажется, что мир рушится. Возможно, он и правда рушится, но истерикой ты себе не поможешь. Он когда вернётся? - уточнила Саша.

- Не знаю. Сказал, попытается пораньше.

- Значит так. Дожидаешься его. Ведёшь себя как обычно. Ужин, постель - всё, что у вас там по плану. Он ничего не должен заподозрить. Когда уснёт - берёшь планшет. Пароль подберёшь, ты девочка умная. Читаешь всё, что найдёшь, всю переписку. И только потом решаешь, что делать.

Я молчала. В голове билась одна мысль: никогда, ни разу за всё время брака я не лазала в его вещи. Не проверяла телефон, не читала сообщения, не заглядывала в почту. Это было моим принципом. Егор всегда говорил: «Ты у меня одна, я тебе доверяю». И я отвечала ему тем же. Выходит - зря?

- Тань, - позвала Саша. - Ты здесь?

- Здесь, - буркнула в ответ.

- Ты слышала, что я сказала?

- Слышала. Дождаться, когда уснёт, взять планшет, прочитать.

- И позвонить мне завтра.

- И позвонить тебе завтра, - повторила я эхом.

- Всё, давай. Отключаюсь, но если что - сразу меня набирай!

Связь прервалась, и я опустила телефон на колени, уставившись в тёмный экран. В отражении видела своё лицо - бледное, с заострившимися скулами и платиновыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Чужое лицо. Словно женщина в зеркале - не я.

До возвращения Егора оставалось несколько часов и они потянулись так, словно собирались в итоге сложиться в бесконечность. Я пыталась чем-то занять руки - разобрала посудомойку, сложила вещи Стеши, даже перебрала косметику. Но мысли всё равно возвращались к одному и тому же.

Если у него есть ребёнок от Анжелы... Это катастрофа. Конец всему - нашему браку, семье, всему, что я строила последние десять лет.

Но при этом в голове всплыло то, что я задвигала куда-то глубоко и не желала обдумывать до сего момента.

Егор не хотел от меня детей.

Когда мы только поженились, я была юной и влюблённой. Мне было восемнадцать, ему - двадцать восемь. Он казался мне божеством, и я готова была на всё. Через три года я забере-

менела - причём случайно, ибо мы предохранялись. Егор был страстным и спонтанным, но во всём, что касалось безопасного секса, муж был начеку.

Поэтому когда я показала ему тест с двумя полосками, он не обрадовался, даже напротив...

«Тань, тебе двадцать с хвостом, - сказал он тогда, глядя куда-то поверх моего плеча. - Ты же не хочешь испортить фигуру? Беременность, роды, кормление - это всё не для тебя. Ты слишком красива, чтобы превращаться в клушу с обвисшей грудью и растяжками. Давай не будем спешить. Сделай аборт, это быстро и безопасно».

Я тогда плакала трое суток. Он был нежен, уговаривал, объяснял, что заботится обо мне. Что двадцать лет - не возраст для детей. Что мы ещё успеем, а сейчас он хочет, чтобы я принадлежала только ему... Одному ему и только и ребёнок в эту картину никак не вписывался.

В тот момент я поняла, что стану железно настаивать на родах. В кои-то веки проявила характер, который, видимо, ещё оставался от той девчонки, что съезжала с лестницы на заднице. И Егора поставила перед фактом - ребёнка мы оставляем.

И Костин тогда сделал вид, что смирился с неизбежным. А когда родилась Стеша - растаял, и стало ясно, что мой выбор был совершенно правильным. Он возился с дочкой, покупал ей платья, возил в парк. «Моя принцесса», - говорил он, целуя её в макушку.

И я верила в то, что он передумал, когда полюбил её. Понял, какое же это счастье - наша маленькая малышка, что сделала нас окончательно и бесповоротно одной семьёй.

Теперь же, сидя в пустой гостиной и глядя на своё отражение в потухшем экране мобильного, я вдруг поняла, почему именно он не хотел от меня детей.

Они уже у него были от другой. Или он уже тогда строил на совместное деторождение с Анжелой далеко идущие планы.

Егор приехал около десяти. Сначала я услышала шум мотора, затем дверь открылась, в холле раздались шаги. Это дало мне возможность сосредоточиться на том, чтобы ничем не показать того, в каком состоянии нахожусь.

- Танюш! - окликнул меня Костин, и я отозвалась:

- Я здесь.

Он прошёл в гостиную, и весь мой план «вести себя как обычно» чуть не разбился о его улыбку. Как же он улыбался! Открыто, тепло, будто и правда был самым счастливым мужчиной на земле. И не существовало никакой Анжелы и никакого Витьки.

- Проголодался, - он притянул меня к себе и совершенно двусмысленно промурчал: - Умираю с голоду. Ты поела?

- Тебя ждала, - откликнулась я ровно.

- Умница моя. Сейчас в душ и бегом к тебе.

Через полчаса мы устроились на ужин. Себе я разогрела курицу с овощами - свою обычную еду, от которой уже оскомина на языке появилась. Егор ел форель и рис с аппетитом, рассказывал про переговоры, про нового партнёра, про то, как всё удачно складывается. Я кивала, улыбалась, пила вино... И всё на таком автопилоте, что в голове роились вопросы: так ведь было всегда? Или я сейчас словно бы превратилась в куклу?

После ужина он потянул меня наверх. Едва мы переступили порог спальни, как муж прижал меня к стене и впился губами в шею.

- Соскучился, - выдохнул горячо. - Весь день о тебе думаю.

- Ты же работал, - пробормотала я, чувствуя, как его руки скользят по моему телу.

- Когда это мне мешало? - Он чуть отстранился и усмехнулся мне в губы. - Я за любой работой о тебе думаю.

В этот раз он был особенно ненасытным, словно чувствовал что-то. Или, наоборот, пытался компенсировать то, чего я пока не знала. Он брал меня снова и снова, и я отвечала

ему, потому что тело привыкло отвечать. Но мне казалось, что это наш последний раз, потому что после правда так или иначе обнажится.

Было так странно об этом думать... особенно вкупе с фразой, что вспыхивала в голове ярким пятном:

«Витька спрашивал, когда папа приедет».

Когда Егор наконец заснул, какое-то время я лежала рядом с ним неподвижно. Смотрела в потолок и считала минуты, даже когда его дыхание стало ровным, глубоким. Костин спал крепко, как всегда - секс был его лучшим снотворным.

Я выждала ещё четверть часа для того, чтобы быть уверенной: меня не поймают на месте преступления.

Потом медленно, осторожно, почти по миллиметру выскользнула из-под его руки. Он пошевелился, что-то пробормотал во сне и отвернулся на другой бок. Я замерла, с губы готовы были сорваться оправдания в стиле «пошла воды попить». Но нет, он спал очень крепко.

Планшет Костина лежал на прикроватном столике. Я взяла его, прижала к груди, как самую большую драгоценность, которая могла изрезать мне руки осколками несбывшихся надежд, и на цыпочках вышла из спальни.

Лестница показалась бесконечной, и пока я спускалась по ней, миллион раз думала о том, что надо развернуться, подняться, положить планшет на место и сделать вид, что ничего не случилось...

В гостиной я села на диван и включила экран. Планшет ожидаемо запросил пароль, и я стала его подбирать, зная, что у меня не слишком много попыток.

День рождения Егора даже не стала использовать - муж точно не стал бы ставить настолько очевидные цифры на код. Попробовала свой - не подошел.

Я задумалась. А потом пальцы сами набрали дату рождения Стеши. И система разблокировалась!

Меня чуть не стошнило от осознания: он поставил паролем день рождения дочери, которую, как мне казалось, обожал. И за этой самой датой скрывал вторую жизнь.

Дальше нужно было найти сообщения, в них - чат с Анжелой. Ну и открыть переписку. Вроде просто, не правда ли? Но нет... Именно это и оказалось самым тяжёлым. Потому что всё... Рубикон будет той точкой, которую можно назвать невозвратной...

Я всё же это сделала и меня накрыло.

Переписка была крайне, просто до одури много. Уходящие вглубь недель, месяцев, лет. Я промотала вверх и начала читать. Не всё подряд - кусками, жадно выхватывая глазами целые абзацы и проглатывая их, не обдумывая, но сосредотачиваясь на главном...

«...Витька опять без спроса залез в планшет и что-то там удалил, посмотри, когда будешь у нас».

«...Серёжка с температурой, но я справлюсь, не переживай».

«...Младший вчера сказал, что хочет стать, как папа. Им очень тебя не хватает, Егор. Всем троим».

Витька. Серёжка. Младший.

Трое.

Трое сыновей!

Я листала дальше, и картина складывалась всё чётче. Они то расставались, то сходились вновь - из обрывков фраз, из её намёков и его обещаний. Но последние год-два никаких расставаний не было. Наоборот - их связь выглядела настолько прочной, что могла посоперничать в этом со стальными канатами...

«Таню не бросай пока что. Пусть пока будет за тобой замужем. Это удобно, - писала Анжела. - Сам понимаешь, делить бизнес, дом - это не то, что тебе нужно. К тому же, у вас дочь. Пусть всё идёт, как идёт».

И он отвечал: «Согласен. Пока...».

Удобно...

Я была удобной!

Я пролистала ещё дальше и нашла фотографии. У них были семейные снимки, даже целая профессиональная фотосессия, снятая где-то в загородном доме. Егор, Анжела и трое мальчишек. Старшему на вид лет десять, среднему - что-то около семи-восьми, младшему - на пару лет меньше. Красивые, счастливые, радостные дети - просто копии своего отца.

Я зажала рот рукой, чтобы не закричать.

Трое сыновей.

Предположим, им десять, восемь и шесть. Он начал «строгать» их ещё до того, как встретил меня. Продолжил - когда женился на мне, и не прекращал всё это время. Я не удивлюсь если и сейчас окажется, что Анжела беременна!

Ведь каждый раз, когда Костин говорил, что едет в командировку, на переговоры, или бог знает, куда ещё, он отправлялся к ним... К своей второй семье...

Тишина стала такой абсолютной, что показалась звенящей. Экран погас и я встряхнула планшет, чтобы снова погрузиться в чтение, словно буквы могли вдруг выстроиться в совершенно другие слова...

И в этот момент с лестницы раздался голос.

- Ну что? Начиталась?

Вздвигнув, я медленно подняла взгляд и наши глаза с мужем встретились. Мне совершенно не понравилось то, что я увидела во взоре Егора, но всё же удалось проговорить относительно спокойным тоном:

- Да, - сказала я. - Начиталась. На три жизни вперёд.

Голос оцарапал глотку, стало трудно дышать. Я потребовала у Костина:

- Может, объяснишься?

Муж спустился ко мне - медленно, не торопясь, босиком по ступеням. Подошёл к дивану, взял планшет из моих ослабевших пальцев и повертел его в руках. Потом положил на журнальный столик и пожал плечами - так, будто я спросила, почему он забыл купить молоко.

- А что тут объяснять? - задал он вопрос мне.

Внутри всё оборвалось - но вовсе не от того, что он сказал... А от того - как именно. Ни тени вины и капли страха, связанного с тем, что он мог меня потерять. Ни грамма сожаления о содеянном. Егор Костин стоял передо мной и смотрел с лёгким любопытством, словно ждал, что я сейчас выдам какую-нибудь истерику, проорусь, а потом всё станет как прежде.

- Ты всё ещё не забыл Анжелу, - произнесла я тихо.

И сама услышала, как смешно и нелепо это звучит. Констатация факта, настолько очевидного, что его даже произносить вслух было глупо. Это как уведомить мужа о том, что я, наконец поняла: вода - мокрая, небо - сверху, камни - твёрдые.

- Не только не забыл, - он усмехнулся краем рта. - Мы с ней снова вместе. У нас трое сыновей, если ты это вдруг упустила из нашей переписки.

Он сел в кресло напротив, закинул ногу на ногу и откинулся на спинку. Ни одного резкого движения, ни намёка на бегущий взгляд. Абсолютно спокойный человек, обсуждающий бытовые вопросы. Как будто мы и впрямь говорили о предстоящей поездке в магазин за продуктами.

Меня стало потряхивать от осознания, которое всё ещё не оформилось внутри, но вот-вот должно было зафиксироваться в моём понимании. Я лишь только спросила у Костина:

- Зачем тебе я?

Он посмотрел на меня прямо, и в этом взгляде было что-то, от чего мне захотелось закрыться, спрятаться, исчезнуть. Он меня... оценивал. Наверное, как делал это все те годы, что мы с ним провели вместе в якобы счастливом браке.

- Ты сама знаешь, для чего нужна, Тань. - Муж говорил ровно, тихо, почти интимно. - Мне с тобой хорошо в постели. Анжела такого, как ты, мне не позволяет.

И именно в этот момент внутри меня сломалось то, что ещё билось и дышало последние несколько часов, хотя я уже понимала, что нахожусь на грани.

«Анжела такого, как ты, мне не позволяет».

Я смотрела на Костина, а в голове прокручивались все наши годы вместе - один за другим, как кадры какого-то фильма. Перекрашенные волосы. Импланты. Мини-операции... Диета, на которой я сидела годами. Уколы, после которых лицо деревенело на неделю. И вишенкой на торте - рёбра, которые пока, слава всем богам, ещё были при мне.

Он вылепливал из меня усовершенствованную Анжелу.

Я была материалом, своего рода ластилином в его руках. Аватаром, которому можно ломать кости, вкачивать силикон, вставлять сиськи, убирать лишнее, добавлять нужное - пока не получится идеальная версия женщины, которую он на самом деле любил.

И эта женщина - не я...

- Ты... - начала я и осознала, что у меня нет слов.

Словно эту способность во мне выключили, а запас фраз стал стремиться к нулю.

- Я - что, Таня?

Он чуть приподнял бровь и подался вперёд, опираясь локтями на колени.

- Что «я», Танюш? Десять лет тебя всё устраивало. Дом, деньги, тряпки, курорты. Я тебя ни к чему не принуждал, ты сама соглашалась на всё.

- Ты меня лепил под неё! - выкрикнула я и голос сорвался, стал хриплым... - Ты мне врал всё это время! Ты...

- Я тебе не врал, - перебил он. - Я просто не рассказывал того, что тебе не полагается знать. Это разные вещи.

Он поднялся, сделал шаг ко мне, протянул руку:

- Иди сюда, ко мне... Нам ведь так хорошо вместе.

- Что?

Я отшатнулась, даже не успев осознать этого движения. Тело сработало быстрее головы. Я отпрянула от него, как от открытого огня, не сообразив толком, что делаю.

- Тань, ну хватит, - он попытался привлечь меня к себе. - Ты почитала, всплакнула, бывает. Иди ко мне, - повторил с нажимом и недовольством.

- Не трогай! - Я выставила перед собой обе ладони, загораживаясь от него, как от дикого зверя. - Не смей ко мне прикасаться!

Он остановился и опустил руку. При этом взгляд у него изменился - вроде бы остался тем же, но в глубине что-то стало неуловимо иным.

- Я не смогу этого простить, Егор, - сказала я тихо, но твёрдо. - Ничего из того, что сегодня узнала. Я уйду!

С этими словами я направилась к лестнице на негнущихся, ватных ногах. Дошла до перил и ухватилась за них, потому что колени предательски дрожали.

- Валяй! - послышалось позади безэмоциональное с нотками усталости.

Я замерла на первой ступеньке и медленно повернулась к мужу.

- Что? - выдохнула с неверием.

- Валяй, говорю. - Он стоял у дивана, сунув руки в карманы домашних штанов. - Уходи. Дело твоё.

Мне даже дышать нечем стало, когда в голове зароились вопросы: вот так просто? Так легко ты говоришь мне, что мне можно уходить? Где здесь подвох?

- Но сначала, - добавил он всё тем же ровным тоном, - верни мне все деньги, которые я в тебя вложил.

Я медленно повернулась, чудом не падая на подкосившихся ногах.

- Что ты сказал?

- По брачному контракту, - он говорил спокойно, почти лениво, - я тебе ничего не должен. А вот ты - да, должна. Например, вернуть все средства за те операции, что делала - тоже за все до единой. Ринопластика, маммопластика, удаление чего бы то ни было, волосы, уколы - всё, что ты делала по моей просьбе и было оплачено мной - возвратно с твоей стороны в суммах, эквивалентных вложениям. И контракт, который ты подписала, Танюша, учитывает это в случае развода. Я вложил в тебя серьёзные бабки, и ты их не оставишь себе просто потому, что тебе там что-то не понравилось.

Стены кругом меня поплыли, показалось, что я падаю в бездну. Ту, которую прямо сейчас разверз передо мной собственный муж.

Брачный контракт. Тот самый, который я подписывала в без малого девятнадцать лет, ничего не понимая в юридических формулировках. Тот самый, где было много страниц и мелкого шрифта. Егор тогда просто улыбался и говорил: «Это формальность, Танюш. Так делают все бизнесмены, ничего личного. Ты мне доверяешь?»

И я доверяла.

- Ты... - прошептала я, - ты предусмотрел это? Заранее?

- Я всё предусматриваю заранее, - ответил он и улыбнулся, глядя на меня сверху вниз. - Это бизнес, Тань. В жизни всё - бизнес. И брак в том числе.

Он развернулся и пошёл наверх, даже не взглянув на меня, хотя и прошествовал мимо. Знал, что сейчас я стану мало что соображать в происходящем, а даже если захочу уйти, у меня есть его сухое и надменное «валяй».

Я осталась стоять на лестнице, вцепившись в перила побелевшими пальцами, и понимала, что уйти от него будет стоять мне гораздо дороже, чем я думала.

И, перестав быть женой Костина, возможно, я вообще окажусь на улице...

- Ну какой же козёл! Таня, я не верю ушам своим!

Сашка была настолько возмущена, что даже ладонью по столу ударила, заставив проходящую мимо пожилую пару чуть ли не креститься начать.

- Нам нужно срочно изучить этот самый контракт! У меня есть отличный юрист - она специалист в таком. Работает вместе с сыном, он сейчас у неё ну... учится что ли.

Подруга зарылась в телефон, а я отхлебнула капучино, в который парой минут назад на чистом автомате добавила пару таблеток сахарозаменителя. И этот горьковатый вкус вдруг довёл меня чуть ли не до состояния аффекта.

Я схватила меню, и пока Сашка искала контакты юриста, принялась жадно выискивать в нём пирожные. Два, а лучше три! С кремом пожирнее, да погуще!

Подруга, заметив, что я нервно подзываю официанта, отложила телефон и посмотрела на меня, вскинув брови, а я, дождавшись, когда к нам подойдёт парень, который обслуживал наш столик, продиктовала ему заказ.

Это было совершенно идиотски, я знала. Как и то, что у меня от обилия сладкого, от которого отвык организм, точно случится сахарная кома, но мне было плевать!

Я видела в этом акте неповиновения своё спасение. В буквальном смысле - это как разрядка для психики, пребывающей в состоянии тотального шока.

- Ну мать, ты даёшь, - усмехнулась горько Сашка, когда официант удалился.

Я же пожала плечами, а не периферии сознания мелькнула мысль: интересно, есть ли в нашем брачнике пункт о том, сколько я буду должна мужу, если разожрётся на гамбургерах и Наполеоне?

Пока я ждала пирожные, Саша занималась перепиской с адвокатом.

Передо мной поставили тарелку, а на ней - три маленьких «сладких смерти». Эклер с шапкой глянцевой шоколада, корзиночка с белковым кремом и Наполеон, слоёный, толстый,

щедро присыпанный крошкой. Я смотрела на них секунду, не больше, а потом взяла ложку и зачерпнула из корзинки первую порцию, после чего отправила её в рот.

Сашка, оторвавшись от телефона, понаблюдала за мной какое-то время, потом напутствовала:

- Не подавись только.

Я кивнула, но не остановилась. Крем был жирным, плотным, почти приторным - вкус, от которого я отвыкла настолько, что первые секунды язык его просто не распознавал. А потом меня накрыло. Воспоминание из прошлой жизни: мы с Сашкой в крохотном кафе едим эклеры наперегонки и смеёмся так, что крошки летят во все стороны. Тогда я весила свои пятьдесят пять, носила джинсы и кроссовки и не знала, кто такой Егор Костин.

- Всё! Я списалась и мне даже ответили, - прервала мои мысли Саша и помахала телефоном в воздухе. - Елена Сергеевна - занимается бракоразводными процессами, специализируется на сложных кейсах с имущественными спорами. Ну и сын-стажёр, он пока нахватывается опыта. Они готовы принять нас через час.

Я отодвинула блюдо с недоеденным Наполеоном. Сахар уже начал делать своё дело: голова стала лёгкой, почти невесомой, а желудок, отвыкший от такого, сжался в протестующий комок. Но морально мне стало чуть легче. Как будто эти пирожные были первым самостоятельным решением за долгое-долгое время.

- Едем, - сказала я, вытирая пальцы салфеткой.

Саша бросила на стол купюру, подхватила с соседнего стула мою сумку и решительно направилась к выходу. Я за ней.

Проходя мимо зеркала в холле кафе, мельком взглянула на себя и как будто бы не узнала.

Потому что в голове мелькнула идиотская мысль - будто бы я поправилась сразу на десять килограммов от того, что съела. И хотя я понимала, что это бред, избавиться вот так просто от дурацких установок не получалось...

Сколько ещё всего окажется вбитым в меня намертво, и с чем я столкнусь уже вот-вот, когда стану смотреть на свою жизнь под другим углом?

Я отвернулась и ускорила шаг, догоняя подругу. Сначала юрист, а потом уже всё остальное. Сейчас понимание, какие права у меня имеются, если они всё же есть, важнее всего.

Вот на этом я и сосредоточила все свои мысли.

Елена Сергеевна оказалась женщиной лет пятидесяти, с цепким, внимательным взглядом и манерой говорить коротко и по делу. Эта самая способность и расположила меня к ней почти сразу, как только мы с Сашей переступили порог современно обставленного кабинета.

Я устроилась напротив адвоката и рассказала всё. Сбивчиво, проглатывая окончания, то и дело замолкая, чтобы подобрать слова. Закончила на том, что контракт подписывала, когда была мягко говоря не взрослой...

Елена Сергеевна слушала молча, не перебивая, только так и впивалась в мое лицо своим пристальным взглядом. А когда я закончила, вынесла вердикт, что называется, сходу:

- Первое, что нам нужно, - сказала она, - это сам договор. Вы говорите, у вас нет копии на руках?

- Нет. Он есть у Егора, а я даже не помню точно, что там было, кроме общих слов про имущество.

- Нестрашно, - заверила она меня. - Прямо сейчас отправимся к нотариусу. У меня есть знакомый, который поднимет базу и выдаст копию. Без договора я вам ничего конкретного не скажу, а гадать - дело пустое.

Саша, сидевшая рядом на стуле, подалась вперёд. Я знала тот взгляд, которым она одарила Елену Сергеевну. Взор ищейки, почуявшей добычу.

- Это займёт много времени? - уточнила подруга.

- Час, не больше, - ответила Елена Сергеевна. - Если всё отыщется по базе - получим копию, и я здесь же, при вас, пробежусь по основным пунктам.

Я кивнула. Внутри теплилась слабая, почти стыдливая надежда: вдруг там всё не так страшно? Вдруг я драматизирую, и контракт - просто стандартный документ, каких тысячи?

Но этому внутреннему голосу тут же отвечал ещё один: нет, Таня... Даже надеяться на это не стоит. Костин не дурак. А вот ты, похоже, не такого уж и светлого ума...

По крайней мере - была...

Нотариус, тот самый знакомый Елены Сергеевны, принял нас в небольшом кабинете, заставленном металлическими шкафами с папками. Он забрал у меня паспорт и стал искать то, что мне сейчас казалось средоточием ответов на маячившие в голове вопросы.

- Вот он. Брачный договор между Костиным Егором Андреевичем и Костиной Татьяной... дата, номер. Распечатать? - сообщил он, когда стук по клавиатуре утих, и нотариус взглянул на нас с деловым интересом.

- Да, будьте добры, - кивнула Елена Сергеевна. - Это то, что нам нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.